

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

**АУДАРМАШЫЛЫҚ ШЕБЕРЛІК:
ОҚЫТУДЫҢ ЗАМАНАУИ ӘДІСТЕРІ**

**Астана
2014**

УДК 811.11:80/81
ББК 80
Г38

**Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Жалпы тіл білімі және аударма теориясы кафедрасы**

Редакция алқасы: Сәтенова Серіккүл Көпешбайқызы (ф.ғ.д., профессор), Қоныратбаева Жанар Молдалықызы (ф.ғ.к., доцент), Бейсембаева Жанаргүл Әлібиқызы (ф.ғ.к., доцент м.а.)

«Аудармашылық шеберлік: оқытудың заманауи әдістері»: республикалық ғылыми-әдістемелік семинар материалдарының жинағы. (Астана 03 сәуір 2014 ж.). – Астана: Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ, 2014 ж. – 120 б.

ISBN 978-9965-31-623-4

Бұл жинақта 2014 жылдың 03 сәуірінде Л.Н.Гумилева атындағы Еуразия ұлттық университеті филология факультеті жалпы тіл білімі және аударма теориясы кафедрасы ұымдастыралған «Аудармашылық шеберлік: оқытудың заманауи әдістері» атты республикалық ғылыми-әдістемелік семинар материалдары жарияланып отыр.

УДК 811.11:80/81
ББК 80

© Л.Н.Гумилева атындағы Еуразия ұлттық университеті, 2014
© Жалпы тіл білімі және аударма теориясы кафедрасы, 2014

брака и семейных ценностей складывались в русской культуре под влиянием христианских представлений о браке и семье, они во многом соответствуют стереотипам англичан. Однако сравнение «семейных» анекдотов показывает, что, совпадая в общих чертах, многие стереотипы поведения в семье, бытующие в российском (и ранее в советском) обществе, всё же не совпадают со стереотипами англичан в некоторых деталях.

В первую очередь, различие прослеживается при рассмотрении вопроса отцов и детей в рамках русского и английского анекдота. Традиции английского воспитания требуют относиться к детям сдержанно, даже прохладно. Дисциплинирующее воздействие на детей оказывается с самого раннего возраста. В русской культуре наоборот – принцип жёсткого воспитания детей не возводится в абсолют. Русский мужчина-отец, скорее, исполняет роль наставника, покровителя – родителя, который готов к сотрудничеству и соблюдению воспитательного баланса: поощрению ребёнка за достижения, и наказанию в случае неприемлемого поведения.

Другой постоянной темой, как русских, так и английских «семейных» анекдотов являются финансовые отношения супругов. И здесь очевидно различие. В русских анекдотах муж смирился с тем, что его зарплату постоянно забирает жена. Повлиять на сложившуюся ситуацию он пытается путём недодачи денег (пропивание, прятание «заначки»). В английских анекдотах муж распоряжается деньгами, а жена всячески способствует их трате, например для покупки драгоценностей или других ненужных вещей с точки зрения мужа.

Мужчина в русских анекдотах мало что решает в семье, находится под каблуком у жены, которая способна обругать его и в некоторых случаях даже избить. Несмотря на уже упомянутую нами финансовую защищённость английского семьянина, он попадает под каблук супруги по причине собственной глупости и безинициативности.

Родственные связи в английской картине мира ослаблены, в отличие от русской, так, как это связано с непосягательством на чужую жизнь, неприкосновенную, как территорию частного владения. К тому же невмешательство в жизнь друг друга является обоюдным для всех членов семьи.

Список использованной литературы

1. Сарджвеладзе, Н.И. Личность и её взаимодействие с социальной средой. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. – 135с.

2. Борисенко, Ю.В. Психология отцовства. — Москва-Обнинск: «ИГ- СОЦИН», 2007. - 220 с.

Реакции адресата на прерывание речевого общения в русской коммуникативной культуре

Ерманова Б.Б.
Инновационный Евразийский Университет,

В начале двадцать первого века в лингвистике основным методологическим принципом является антропоцентризм, который позволил рассматривать языковой материал с точки зрения его функционирования в реальном процессе коммуникации. Одним из важнейших теоретических понятий нашего исследования является понятие «коммуникация». В научной практике не единства толкованию таких определений как «коммуникация» и «общение». Такие ученые как В. Н. Курбатов, А. А. Леонтьев, Л. С. Выготский склонны отождествлять эти два понятия. По их мнению, коммуникация носит деятельный, диалогический характер, и такие же черты присущи общению.

Согласно современным представлениям ученых – лингвистов, под речевым общением можно понимать такую активность взаимодействующих людей (коммуникантов), в ходе которой они, воздействуя друг на друга при помощи знаков, организуют свою совместную деятельность. Процесс коммуникации предполагает учет таких особенностей, как установка коммуникантов относительно друг друга, их коммуникативные интенции, индивидуальные особенности речевого поведения, связанные с особенностями воспитания, местом рождения, обучения, со средой, в которой они общаются, принадлежностью к определенной социальной группе и национальной общности, статусные и ролевые параметры, следование определенным общественным требованиям и стандартам, предъявляемым к конкретной ситуации общения и т.п. [1].

К базовым составляющим речевого поведения относятся мотивация, которая задает определенный вариант речевого поведения; интенция, которая определяет тип поведения, связанного с соблюдением или нарушением адресантом имиджа адресата; эмоции, которые специфицируют коннотативно-эффективные состояния коммуникантов; социально-иерархические отношения, ограничивающие или неограничивающие речевые действия коммуникантов; индивидуальные особенности коммуникантов, которые связаны с типом их личности и оказывают воздействие на ход коммуникации. Тот или иной модус речевого поведения является вербальной реализацией типических ситуаций коммуникативного взаимодействия людей в рамках речевой ситуации [2].

В процессе повседневного общения коммуниканты сталкиваются с проявлением вышеназванных модусов, каждому из которых соответствуют определенные прагматические параметры. В случае совпадения параметров ситуации с модусом речевого поведения, характер общения расценивается как эффективный в рамках данной речевой ситуации. Если же характер общения коммуникантов не совпадает с условиями речевого общения, тогда участники чувствуют себя дискомфортно, ввиду чего характер общения рассматривается как неэффективный.

К неэффективной коммуникации мы относим прерванное речевое общение, в котором возникают непредвиденные или сознательно создаваемые препятствия, обусловленные несовместимостью коммуникативных интенций партнёров, которые могут завершаться коммуникативной неудачей. Разными

исследователями предлагаются различные дефиниции и классификации в зависимости от причин возникновения коммуникативной неудачи.

Так, Б.Ю.Городецкий определяет коммуникативную неудачу как такой сбой в общении, при котором речевые произведения не выполняют своего предназначения [3]. Данное явление может также подразумевать под собой такие ошибки в коммуникации, как «непонимание», «недопонимание», «коммуникативный сбой», «коммуникативный дискомфорт», «коммуникативное рассогласование» [4]. Б.Ю.Городецкий отмечает, что при изучении данного коммуникативного явления необходимо учитывать такие критерии, как источники и последствия коммуникативной неудачи. Он предлагает разделять коммуникативные неудачи на глобальные и частичные. К глобальным коммуникативным неудачам относятся ситуации, когда коммуникативная деятельность не реализуется, определенная стратегическая цель не достигается. Частичная коммуникативная неудача – это временный сбой в коммуникативном процессе.

О.Н.Ермакова, Е.А.Земская понимают под коммуникативными неудачами неосуществление или полное неосуществление коммуникативного намерения говорящего, обусловленное различными причинами [5].

По мнению З.К.Темиргазиной прерванное речевое общение противопоставляется завершеному общению, т.е. такому, в котором коммуниканты, достигнув своих целей, выходят из общения конвенциональными способами, например, поблагодарив и распрощавшись [6].

Прерванное речевое общение можно смело отнести к разряду коммуникативных неудач, так как при таком общении один из участников прекращает речевое общение по причине невозможности достижения своей коммуникативной цели.

Многие исследования показывают, что факт, когда один человек прерывает другого в процессе общения, нередко интерпретируется как попытка взять верх над собеседником, навязать свою точку зрения. Сам факт прерывания общения трактуется как угроза «потери лица» собеседника, как негативный речевой акт. Прерывание разговора само по себе рассматривается как невежливое и даже враждебное речевое действие. Прерывающий видится агрессором, а прерванный собеседник – невинной жертвой. В основе этого лежит предпосылка, что прерывание является нарушением, попранием чье-либо права слова, демонстрацией власти, силы, попыткой доминировать в диалоге. Прерывание речевой коммуникации трактуется как одна из основных стратегий контроля диалога. В то же время это нарушение правил и принципов экспектации относительно правил мены коммуникативных ролей. Зарубежный лингвист А. Беннет говорит о прерывании разговора, когда нарушаются права одного из говорящих (*violating another speaker's right and obligations*).

Как отмечает зарубежный лингвист J. Coates «interruption breaks the symmetry of the conversational model and that interruption is violations of the turn-taking rules of conversation and described as uncooperative. Speakers interrupt more in conversation and this strategy is associated with competitiveness, dominance and a way of getting the floor» [7]. То есть, по мнению зарубежного лингвиста

Дженнифер Коутс, прерывание речевой коммуникации представляет собой асимметричную модель речевого общения, нарушение в мене коммуникативных ролей между коммуникантами, в результате чего прерывание нацелено на конфронтацию по отношению к адресанту. Прерывающий выполняет функцию конкурентоспособности, господства и желания занять лидирующую позицию в речевом общении по отношению к прерываемому.

Прерванное речевое общение вызывает определенное эмоционально-оценочное отношение участников коммуникации, так как противоречит этическим нормам коммуникативного поведения. Речевое воздействие в рамках прерывания предполагает ответную реакцию, связанную с коммуникативным стилем общения, заданным адресантом эмоциями адресата. Наиболее распространенной в русской коммуникативной культуре является негативная реакция адресата на прерывание речевого общения. Негативные реакции передают отрицательное отношение адресата к прерванному речевому общению, эксплицируются оценочными или императивными высказываниями. Негативные реакции в большей степени представлены в неформальной сфере общения, асимметричные статусные роли коммуникантов (родители-дети, старшие-младшие, коммуниканты, занимающие более низкую иерархическую позицию). Например:

1) Разговор происходит между матерью и ее сыном подростком. Сын чем-то озабочен, мать пытается понять, что с ним происходит.

- Алик, а что ты не спишь? Завтра рано вставать. Я потом опять тебя не добужусь.

- Мне ко второму уроку завтра. (Мать пытается обнять сына, а он отворачивается).

- Сына, а что происходит?

- Да ничё не происходит! (повышает тон).

- Я что-то тебя не узнаю ...

- Все, я сказал, я иду спать.

*- **Что ты себе позволяешь!!! Я тебе кто? Пустое место? Как тебе не стыдно так разговаривать с мамой!** (из к/ф Мама в законе)*

В данном примере реакция матери на прерывание носит негативный характер, выражена упреком, возмущением и маркируется негативно-оценочными высказываниями: **Что ты себе позволяешь? Как тебе не стыдно?**

2) Разговор преподавателя - куратора и студента. Куратор интересуется у студента, почему его не было на занятиях.

К: Сергей, почему вас не было вчера на занятиях?

С: Я не смог прийти.

К: Почему? В чем была причина? Я ваш куратор, и я должна знать причину вашего отсутствия и ...

*С: **Вы не моя мама. Я не должен отчитываться перед вами.***

*К: **Что? Да как вы смеете со мной так говорить? Забылись, где находитесь и с кем разговариваете? Так нельзя себя вести, вы взрослый человек!** (разг.)*

Негативная реакция преподавателя обусловлена прерыванием со стороны студента, который является представителем низкой иерархической позиции по отношению к преподавателю. Преподаватель испытывает дискомфорт и возмущение из-за бестактного коммуникативного поведения студента. Реакция выражена негативно-оценочными высказываниями преподавателя: *Да как вы смеете со мной так говорить?* В данном примере показано грубое нарушение коммуникативных норм с точки зрения иерархической позиции коммуникантов, в результате чего общение прерывается.

Приведенные примеры показывают, что адресаты испытывают дискомфорт и возмущение при выбранной стратегии речевого поведения партнером. Они указывают на неуместность данной линии поведения: *Забылись, где находитесь и с кем разговариваете?*, либо проявляют ответную речевую агрессию: *Да как вы смеете со мной так говорить? Что ты себе позволяешь?*

Проявление негативной реакции характерно для тех речевых ситуаций, когда прерывание общения происходит между коммуникантами, находящимися в разных статусно-иерархических позициях, в неравных позициях относительно друг друга (коммуниканты разного возраста).

Интересны такие коммуникативные ситуации, где участник преломляет информацию любого характера через призму своего чувственного мира. Часто во избежание конфликтных ситуаций адресат использует игнорирующие тактики невербального поведения. Подобный тип реакции характерен для тех ситуаций, когда адресат испытывает чувство психологического дискомфорта в процессе общения, но в силу определенных обстоятельств (более низкая статусно - иерархическая позиция) не может отреагировать отрицательно в вербальной экспликации. Например:

Разговор происходит между преподавателем и заведующим кафедрой. Преподавателя интересует низкий коэффициент доплаты за предыдущий месяц.

П: Я бы хотела узнать, почему у меня за этот месяц низкий коэффициент?

З: Вы еще подходите ко мне с таким вопросом! В этом месяце вы находились в больничном отпуске. Вас не было почти полмесяца.

П: Но все-таки ...

З: Уйдите, не мешайте мне работать!

П. молча уходит. (разг)

Как показывает данная речевая ситуация, такая реакция чаще встречается в сфере служебных отношений. Мы считаем, что такого рода реакции стимулируются адресантом, занимающим более высокую позицию при асимметричных отношениях. Адресат реагирует на прерывание используя тактику молчания. Вслед за Н.Д.Арутюновой и Меликян С.В., мы считаем, что «молчание – это знак определенного, стоящего за ним содержания, представленный нулевой звуковой оболочкой». В прерванном речевом общении коммуникативно значимое молчание трактуется как проявление эмоционального состояния адресата (смущение, замешательство, потрясение),

молча уходит.

Мы считаем, что прерванное речевое общение представляет незавершенное общение, которое противопоставлено завершенной коммуникации, т.е. такой, в которой коммуниканты, достигнув свои коммуникативные цели, выходят из общения конвенциональными способами. Прерванная коммуникация есть сбой в общении, нарушение этических норм коммуникативного поведения, чему свидетельствует частотность негативной реакции адресата, которая выражается как вербальным путем, так и невербальным.

Литература:

1. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М., 1989.
2. Глушак В.М. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуации повседневного общения (на материале немецкого языка): автореф.дис. ... д-ра филол.наук. – М., 2010.
3. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач//Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Н. – 1985.
4. Арто Мустайоки. Жанры речи и риски коммуникативных неудач//Сборник научных статей «Жанры речи». С-М. 2012.
5. Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач//Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993.
6. Темиргазина З.К. Избранные работы по лингвистике. Том 2 - П., 2010].
7. Coates Jennifer. Gender, status and power in discourse behavior of men and women, 2004.